

Катерина Скабардина

г. Новосибирск

ПЛАСТИК ПОВЫШЕННОЙ ПРОЧНОСТИ

– Кто у тебя, Палыч? – В щель дверного проема заглянуло худое костистое лицо. Рыбье выражение ему придавали почти бесцветные небольшие глазки навывкате и ярко выраженный дистальный прикус.

– Да хрен его разберет! Мер-чен-дай-зер какой-то, – глядя в бумагу, прочитал по слогам сдобный, как кулич на Пасху, капитан.

– Вроде на китайца не похож, – хмыкнул «рыбий глаз». – Долго еще?

– Да не, закончили уже. – Капитан протянул шариковую ручку задержанному: – Пиши там, где галочка, «С моих слов записано верно, мною прочитано», число, подпись – и свободен.

Сергей Витальевич Смоляков взял в руки желтоватые листы, исписанные неровным, скачущим угловатым почерком, пробежал глазами по тексту, отмечая про себя орфографические, синтаксические и стилистические ошибки. Наркоман забежал в магазин, разбил витрину, набросился и ранил его, мерчендайзера, с целью ограбления. Потерпевший был вынужден защищаться, что он и сделал, вырвав руку у Серёги – манекена из толстого пластика. (Вообще-то он сказал «из фибerglassа», но ни место, ни положение не располагало к тому, чтобы не соглашаться с формулировками. По существу все было описано верно). Нападавший, получив отпор, скрылся в неизвестном направлении. Сергей поставил число и свою округлую учительскую подпись «См. Смоляков».

Лестничные пролеты с третьего этажа районного отдела милиции он преодолел пружинистым шагом победителя. В тусклом зеркале туалета разглядел опухшую запекшуюся ссадину на скуле, рассеченную бровь, оцупал оплывший глаз и улыбнулся. Улыбаться было больно, но он чувствовал клокочущую радость, которая, как кипяток по заржавелым трубам, поднималась из живота в грудную клетку и сотрясала плечи, размыкала пересохшие губы и рвалась из него неудержимым хриплым смехом.

Перед глазами мерчендайзера, как в замедленном кино, поплыли картинки недавней битвы, слышался лязг металлического крепежа пластиковой руки манекена Серёги, звук его падения на плитку пола и глухие удары, перемежающиеся с визгом раненой коалы. Никогда бы не подумал, что на это способен его собственный артикуляционный аппарат! А потом в развороченное нутро магазина вошли четверо одинаково скроенных квадратных мужчин в черных плащах, белых шарфах, черных тупоносых туфлях и белых носках. Они технично упаковали умолкшего хулигана в целлофан и повезли его смотреть Подольск. Вот тупые! Подольск был в другой стороне.

Смех, как воздух из воздушного шарика, вышел весь. Сергей осмотрел себя снова, умылся и огорчился порванной и испачканной в крови футболке. Футболку было жалко, потому что, во-первых, она была из новой коллекции, а во-вторых, Арсен ее Сергею подарил. Сергей не обольщался, расчет директора был прозрачен, как воды Байкала: сотрудник умел так носить

Катерина Скабардина (г. Новосибирск). Автор двух книг: «Тень тишины» (стихи) и «Перекаutigоре» (проза). Печаталась в периодических изданиях и сборниках. Автор международного социокультурного просветительского проекта «Поэту по портрету» (vk.com/poetportrait).

импортные яркие шмотки, что, глядя на него, их непременно раскупали даже те, кому темно-синий казался слишком вычурным цветом. Высокий брюнет с европейской внешностью и речью, как у иностранца, хорошо выучившего русский по классической литературе – такой образ отлично монтировался с коммерческими целями представителя Северо-Кавказского региона в Москве.

Работа в бутике «У Арсена» заключалась в том, чтобы два-три раза в неделю приходиться к закрытию магазина и, оставшись на ночь, переодевать манекены, расставленные в витринах и по залу. Сергей делал это и с удовольствием, и за деньги, которые позволили ему, понаехавшему в нерезиновую, оплачивать однушку в Митине и жить в столице нашей Родины полностью самостоятельно, подальше от родни.

1. БАБКА

Галина Михайловна в девичестве не слыла красавицей, даже хорошенькой ее трудно было назвать. Чуть вытянутое лицо, круглые карие глаза, короткий широковатый нос, небольшой рот, за тонкими губами – два рядка мелких зубов, черные волосы до плеч – обычная. Но в ее прямом взгляде, упругих движениях молодого крепко сбитого тела, звучном голосе текла покоряющая энергия небывалой силы.

Попав в 1942 году в эвакуацию в Уфу, она отхватила себе шикарный вариант – красивого мужика с высшим образованием, который чудом не попал на фронт из-за болезни легких и теперь возглавлял пимокатную артель. В городе, как в густонаселенном пруду, за него бились что ни на есть золотые рыбки: ленинградки, рижанки, одесситки, москвички, а тут – какая-то девочка с внешностью пони из города Тутаева. Естественно, что прекрасная половина Уфы вынашивала кровожадные планы на ее счет. Но благодаря поистине щучьей хватке, она сумела не только заполучить главный приз, но и тут же родить от него дочь. Анна пошла в отца – светленькая и совсем не похожа на мать. Она росла типичным ребенком военных времен, отягощенная бременем – удержать отца в семье, чтобы он ни-ни! Анна с поставленной задачей успешно справлялась – много болела. К началу 50-х Галина Михайловна, железобетонно укрепив фундамент своей счастливой жизни и в семье, и по партийной линии, несколько притомилась ролью самоотверженной матери и родила Ниночку.

2. МАМА

Ниночка – послевоенное балованное дитя со всем причитающимся набором, который только мог обеспечить советский гражданин, крепко стоящий на верхних ступенях всеобщего равенства. Темноглазая девочка-куколка в белоснежных бантиках, юбочке в оборочках, носочках и сандаликах стала единственным любимым существом, светом в оконце для своей хищной, но недоигравшей мамы. Для нее доставали все самое лучшее, ради ее аттестата несли школьным учителям дефицитные товары. Анька училась сама, собиралась в мединститут, а Ниночка – кинодива! ВГИК – и только ВГИК – уже дважды не ответил ей взаимностью, но продолжал маячить в темненькой головке.

– Рефлексии маловато, милочка, – сказала ей какая-то старуха с жидким начесом на трясущейся голове. – Артисты, как дети, конечно, но даже в детском сознании должна просвечивать какая-то натура. Иначе нечем будет проживать роли.

Раздосадованная на завистливую бабку Ниночка уезжала обратно в Уфу. Но Галина Михайловна так просто отдавать дочку в полыхающую топку строительства лучшей страны мира не собиралась: в инженеры всегда успеет, а киноиндустрия ждать не станет. Ей шили новые модные наряды, чтобы в следующий раз уж точно покорить неприступную комиссию. Вместе с гардеробом росла Ниночкина убежденность в собственной исключительности и надежда на то, что вот-вот ее заметят. Иначе и быть не могло, ведь она была девочкой, рожденной и выпестованной матерью для головокружительного счастья! Только бы старуха не дошла до экзаменов.

А пока местная красавица занималась тем, что ездила из Черниковки в центр выгуливать идеально сидящие, сшитые для московских улиц костюмы и покорять местный Бродвей – проспекты Маркса и Ленина. Там-то ее и встретил ослепительной красоты белокурый Аполлон, который произнес с чистейшим прибалтийским акцентом волшебное заклинание, растопившее эскимо ее самовлюбленного глупенького сердечка.

– Зтраствуйтэ, дэвушка! Мэня завут Гундис Рукитис. Разрэшитэ пригласит Вас на коктэйль!

В этот момент окруженная свитой тщательно отобранных подружек – в меру симпатичных, но не красивее ее, – высокая статная, похожая на Клаудию Кардинале Ниночка превратилась в Нинель. «На коктейль» – это вам не в кафе-мороженое «Снежинка» в Центральном парке! Подружки умерли от зависти, а Ниночка почувствовала в своих руках сияющий медный поручень трамвая счастья и разрешила даже несколько больше. Молодой модельер приехал из Риги в Уфу ставить производство болоньевых плащей в Доме моделей.

Галина Михайловна решила: «К черту ВГИК! С таким-то женихом Ниночка красную дорожку в Канне топтать будет!» Она рассказала дочке, как работает в таких случаях стоп-кран, купила себе и мужу путевку в санаторий на 21 день, забила холодильник деликатесами и оставила квартиру в ее полное распоряжение.

Это было упоительное время! Гундис приезжал каждый вечер. Он мало говорил, много ел и долго любил. Когда он засыпал, Ниночка любовалась его молодым сильным телом, воображая рядом с собой римского воина из фильма «Клеопатра». Она подносила к лицу маленькое зеркальце и подолгу смотрела на их общее отражение. Он был сказочно красив: правильная квадратная челюсть, тонкий нос, прямое надбровье, голубые, глубоко посаженные глаза, что придавало ему дополнительную магичность. Когда они светили из своей глубины, она млела и забывала обо всем, ведь в его объятиях ее ждала невероятная судьба!

Спустя месяц после возвращения Галина Михайловна отвела Ниночку к своему врачу. Счастливое предположение оправдалось.

– Гундис, когда же мы поедем в волшебную красавицу Ригу? – спросила Ниночка, подкладывая любимому жареной картошки.

– Нэмношко погода, – отвечал, заметно волнуясь, Гундис.

– Уже пора поторопиться, милый, ведь мы уже не вдвоем, – сказала Ниночка и погладила себя по еще пока плоскому животу.

– Как это не вдвоем? – воскликнул Гундис, моментально теряя акцент.

– У нас будет малыш.

– Какой малыш? – уже на чистом русском спросил Виталик.

3. ПАПА

Виталий был девятым, но не последним ребенком в огромной семье, где мать рожала, как пулемет. В больших семьях дети, как правило, быстро взрослеют. Он доучился в школе, поступил в авиационный институт и, не афишируя, благодаря действительно выдающейся внешности, подрабатывал манекенщиком. В городской Дом моделей его привела старшая сестра, швея мужских сорочек. Но это было так банально! Талантливый мистификатор с юности создавал о себе легенды. Так и выдумка о Гундисе Рукитисе была с подоплекой. Гундис – это рижский радиоприемник, а Рукитис – крем от фабрики «Дзинтарс».

Необременительный труд, хорошие деньги, качественные вещи из образцовых коллекций и уникальные коммуникативные способности обеспечивали находчивому парню не только возможности для дополнительного дохода, но и открывали если не все, то нужные ему двери. Нарциссизм Виталика быстро креп. Ему оставалось только обзавестись самой красивой девушкой, желательно постарше. А тут еще Родька его подначивал, что лучше Нинки не найти, но Витальке ее не видать как своих ушей – всех отшивает. Поспорил с братом, как Илюха Ковригин из «Девчат», только не на Тоську, а если бы на ее месте была Анфиса.

Спор Виталик выиграл. Свадьбу сыграли быстро и по первому разряду: с платьем из сало-

на, куклой, распятой на капоте «Волги», караваем, рестораном «Восток», краденой туфелькой и женихом, застигнутым невестой в объятиях свидетельницы. Впрочем, эту неприятность быстро замяли, а вот с растущей в животе лялечкой оказалось сложнее.

– Ну что, соорудил проблем, модельер-конструктор? – с ненавистью шипела теща Галина Михайловна.

– Обженили нашего-то Витальку! – вопила на весь железнодорожный поселок Дёма мать-героиня Щекочихина.

– Нин, а Нин, может, не надо пока лялечку, – тихонько гундел бывший Гундис ночами, поглаживая жену по плечу, – я пока не хочу лялечку.

Но что со всем этим делать, никто Нине не говорил. Только отец нет-нет да подойдет неслышно в своих домашних пимах, да скажет ласково: «Ничё, доча, вырастим!» – но от этого Нине становилось только хуже.

4. Я

В марте навестить родителей из Польши приехала Анна. Едва окончив медицинский, она завербовалась на работу в советское посольство и моментально уехала. Она привезла матери и сестре подарочные парфюмерные наборы, капроновые чулки со стрелками, лайковые перчатки, переливчатые броши и сладкие гостинцы в ярких обертках.

– Прости, Ниночка, я не знала. – Растерянно она смотрела на выдающийся живот сестры. – Если бы сообщили, я привезла бы приданое для маленького.

Тем же вечером, когда в доме утихло, Нина прокралась в прихожую, выпотрошила сумку сестры, с детства слабой здоровьем, и выпила все таблетки, которые та взяла с собой с запасом на месяц отпуска.

Моя маленькая глупая мама не знала, что на седьмом месяце не бывает медикаментозного выкидыша, а бывают роды: ужасные, раздирающие, ломающие фертильную функцию напрочь. А поскольку в ее организме совместились разные препараты, то мой неродившийся организм получил сильный неврологический удар. В результате я вышел на свет не только преждевременно, но и с богатым набором патологий: ДЦП, аутизм и так называемый синдром Ундины – это сонное апноэ, очень интересная штука, когда во сне забываешь, как дышать.

Врачи сообщили маме, что в результате произошедшего больше детей она иметь не сможет, а винить некого – сама постаралась. Также ей сказали, что у меня очень мало шансов дожить до года. Планов на мой счет не было не только у родных, но и у медицины. Так меня со всем букетом отдали совершенно растерзанной маме.

– Не привыкай к этому, – брезгливо сказала бабка, – оно скорее всего не выживет. Давай пока не будем его никак называть.

Все были в шоке, кроме деда. Дед – единственный, кто был мне рад и сразу воспринял как личность. «Ничё, внучок, мы еще повоюем!» – сказал он и накрепко все свои обширные связи, распростертые вплоть до Ленинграда, где умели управляться с недоношенными. Я ухватился за мелькнувший поручень надежды и крепко, по-звериному вцепился в бортик сияющего кувеза.

К шести месяцам меня выписали и вернули в семью. Патронажная сестра сказала, что ребеночка пора как-то назвать, он не может продолжать значиться просто пациентом. Так мне дали имя. Сергей. Не в честь кого-то, не потому что имя нравилось маме или папе, просто тогда так называли мальчиков: Серёжа или Алёша.

В школе мы будем звать друг друга по отчеству, не особо волнуясь, что со стороны это может выглядеть несколько странно, – только представьте кубарем несущихся первоклассников, орущих друг другу: «Василич, Петрович, Иваныч!» – но это я забегаю далеко вперед.

К трем годам я кое-как разобрался с движением. «Кое-как» тут главное слово. Детально нарисовать дом в стиле барокко я мог, а поднести ложку ко рту, не попав себе в глаз, – нет. Не

мог застегнуть пуговицу или завязать шнурки, не потому что косорукий, просто в моей голове не укладывалась механика существования шнурков и пуговиц. С речью было сложнее. Все переживали за сохранность моих когнитивных функций, но мое мышление было вербальным, только я почему-то не говорил. Скорее всего, был недоволен речевым аппаратом и считал, что он должен еще устояться. Я давал себе время разобраться с его устройством, но только не бабка!

– Тьфу, немтырь! – она плевала в меня грубые слова, не прощая того, что я в младенчестве не умер и вслед за своим папашей угробил ее девочке ту жизнь, для которой она ее рожала. Размазывая по моему лицу кашу, бабка горько оплакивала кумачовый коврик, расстеленный где-то на юге Франции, на который не ступит прелестная ножка ее Ниночки в шелковой туфельке!

Предсказуемо кувшин терпения Галины Михайловны переполнился злобой и треснул. Она решила отомстить ненавистному Щекочихину, пошла в комитет комсомола и вывалила на обитый зеленым сукном стол обломки разбитых надежд и черепки разрушенных жизнью уважаемой семьи Смоляковых, и кем – фарцовщиком и голожопым дрыгуном из Дома, прости, господи, моделей!

Из института папа моментально вылетел, и ему засветила начищенной медной бляхой Советская армия. Но в находчивости ему мог позавидовать сам герр фон Мюнхгаузен! Папа каким-то чудом перевелся в высшее военно-командное училище в Ленинград, получил там комнату в коммуналке и увез нас с мамой. С бабкиной крыши шумно сошел шифер.

5. ЛЕНИНГРАД

В Ленинграде мама устроилась на завод световых ламп накаливания «Светлана», но благодаря неистребимой тяге к красоте каким-то странным образом она оказалась вовлечена в мир ленинградской моды, которая, помимо прочего, умела быть аристократичной. Это буквально зачаровывало маму. Я понял, что она наконец-то смогла полюбить кого-то, кроме себя: она полюбила модный Ленинград, и этот роман вполне сложился.

Прогулки с мамой чаще всего совершались по шикарным магазинам и универсамам, но иногда наш променад происходил и приятным для меня образом. Мы ходили на Университетскую набережную посмотреть на сфинксов. Я хотел с ними дружить, а моя шикарная мама не протестовала. Она выглядела сногшибательно в желтых ботинках на платформе, желтом вельветовом пальто, ее шелковый шарф и черные волосы развевались, в ее руках был французский прозрачный зонт. Немного портил картину хоть и нарядный, но ковыляющий мальчик. Я не поспевал за ней, хоть и очень старался. Как только мне казалось, что вот-вот я коснусь ее руки, она ускользала от меня, и я снова оказывался позади.

К тому времени я уже более или менее разобрался с двигательным аппаратом, но еще не мог в достаточной мере координировать правую ногу, чтобы при ходьбе она не запинаясь о левую. Маму это очень нервировало, но поскольку она была сосредоточена на себе, то не слишком вникала в происходящее со мной. Когда я ее, наконец, догонял, она присаживалась так, чтобы я мог хорошо видеть ее лицо, и красивыми красными губами отчетливо говорила: «Серёжа, ставь ножку пряменько. Пока ты не научишься ставить ножки пряменько, я не буду брать тебя за ручку, чтобы люди не думали, что это мой такой страшненький мальчик. Я хочу, чтобы у меня был хорошенький, красивенький мальчик. А ты мало стараешься. Вот будешь стараться, я буду тебя любить, буду брать на ручки, а пока ты не стараешься, не буду. Ходи рядом. Ты пока не мой мальчик».

Она не понимала природу ДЦП, ей казалось, что это мои капризы и придурь, что я запинаясь специально, чтобы ее огорчить. Конечно, ей объяснили врачи, что ребенок не виноват, она осознавала и степень своей вины и пыталась меня по-своему любить. Но она, красивая девочка, которая была рождена для счастья, не могла совладать со своим разочарованием и невозможностью получить идеального ребенка. У нее было почти все: глянцевого мужа, любя-

щая мать, достаток, город Ленинград, только ребенок никак не вписывался в картинку «идеальная семья» из журнала «Бурда Моден». И это разрывало ее маленькое глупое сердечко. Я очень ее жалел и старался.

В попытках компенсировать мои особенности единственно понятным и доступным ей способом она наряжала меня во все импортное, и степень моей укомплектованности иногда переходила черту абсурда. Например, однажды бабка с дедом приехали погостить. В честь этого мне купили не кулек леденцов, а кашемировое английское пальто белого цвета. На второй день я предсказуемо оказался в нем в луже. Мама рыдала, как раненый слон. Бабка отнесла испорченную вещь в химчистку, а дед вынес вердикт: «Идиотки! Ну кто покупает ребенку белое пальто? Это же только для манекенов!». Я отчаянно жался к его большой ноге.

6. НАСТОЯЩИЙ МАЛЬЧИК

Из папы меж тем воспитали политруководителя, и он в красивой форме уходил заниматься политподготовкой во внутренних войсках. Перспективная работа и коммуникативные таланты помогали ему по-прежнему в том, что называлось «крутиться». Хоть наша маленькая семья и жила в коммуналке, мы были не просто благополучны, мы были семьей из заграничного журнала, чарующе импортной. Когда мы выходили гулять в Летний сад или на Крестовский остров, нами, как ожившей витриной, любовались люди. А я с тоской, замешанной на горькой зависти, смотрел на других детей, которые бегали по пыли и лужам в советских сандаликах вокруг своих обычных мам и пап, катались на велосипедах «Ветерок» с тонкими шинами. Я мечтал о большом усатом папе, о толстой маме, чтобы утыкаться ей в пузо, чтобы она меня буськала и брала на ручки. Все вокруг было некрасивое, но такое настоящее, и я хотел выбраться в этот мир из стерильного, сияющего, озаренного неоном. На каждый день рождения я ждал фею, которая прилетит и оживит меня, как Пиноккио, и я стану настоящим мальчиком.

На выходных папа брал меня гулять в скверик имени Васи Алексеева. Он пытался со мной играть, бросал мне мяч, а тот летел мимо. Тогда папе становилось скучно, и он шел играть на площадку с другими детьми, которые были здоровенькие и веселенькие. Они ловко пинали мяч, хватали его обеими руками, подбрасывали коленкой или даже головой, а я сидел на скамейке. Я смотрел, как весело моему маленькому папе бегать с Андрюшей или Вадиком, и радовался.

Я не отчаивался найти свой витамин счастья. Я безостановочно наблюдал и исследовал все окружающее пространство. Так совершенно спонтанно и одновременно с говорением у меня сформировался навык чтения. Я начал читать по вывескам и сразу словами. Я часто видел здание, где в витрине стоял кот из папье-маше с треугольным пакетом в лапах, и постепенно эти зубчатые буквы сложились в моей голове в понятие «молоко». А там, где за стеклом красовались босоногие тети в платьях, а за круглой О раскорячилась Ж, была одежда, и так далее. Я читал все подряд. Первой книжкой стало невесть откуда попавшее к нам в комнату издание Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» с картинками братьев Траугот. Я мало что понял, но мне было жалко этого патлатого длинноносого героя, я сострадательно его любил.

А потом я залюбил Шаляпина. Его пластинка была вклеена в журнал «Кругозор», и там же напечатан портрет работы Кустодиева. Я внезапно захотел такого папу. Я понимал, что с моим у нас как-то не складывается и надо папу кем-то заменять. Могучий Шаляпин в длинной шубе казался мне вполне подходящей кандидатурой. Мне хотелось зарыться в эту похожую на тучку шубу, уткнуться носом, щекой, всем лицом в его прохладную, румяную от мороза щеку. С портрета он пах Новым годом, безмятежной радостью и зимой. Мне не терпелось его упापить. Не усыновиться, а стать ему заботливым ребенком. Я спрашивал у всех, где он живет, пока сосед по коммуналке старшеклассник Генка не сказал, что певец давно умер. Я горько плакал.

7. КОСТИК

В детский сад меня не взяли по причине аутизма и апноэ, поэтому я был поручен заботам соседки по коммуналке Александры Ефремовны, чудесной ленинградской бабушки-блокадницы. Она работала гардеробщицей в Мариинке, чем вызвала особое доверие у моих провинциальных родителей. Александра Ефремовна сидела со мной то в нашей комнате, то забирала к себе.

Мне нравилось жить в коммуналке. И само слово нравилось, оно было теплое и простое, как ситцевый халат. В ванной у меня было любимое чудовище – газовый водонагреватель. Я думал, что он дракон, и до визга боялся заходить туда. Мне казалось, что дракон засунул свою трубчатую шею в стену и караулит, когда я войду, и тогда он высунется, обратит ко мне свою голову и скажет: «Бу!». Что будет дальше, я боялся представить, после этого моя фантазия меркла.

У Александры Ефремовны была своего рода субквартира внутри этой коммуналки: небольшой тамбурок, а из него ласточкиным хвостом расходились две двери. Одна вела в большую комнату с двумя окнами на улицу, а вторая комната всегда была заперта манящей белой дверью. До войны у соседки был муж, испанский интернационалист и два сына. Старшего успели отправить в эвакуацию, теперь он вырос и служил в Египте, откуда присылал ей удивительные вещицы. Я обожал играть с маленьким бюстиком Нефертити и фигурками сфинксов, которые меня завораживали тем, что были одновременно и людьми, и котиками. На определенном этапе взросления я всерьез подумывал стать сфинксом. Потом передумал.

Младший сын остался с Александрой Ефремовной. Однажды я обнаружил белую дверь открытой и зашел туда. Это оказалась небольшая светлая комната с белесыми обоями в колокольчик. Там стояла маленькая детская кровать, на стене висел жаккардовый ковер, на котором зайцы-строители в спецовках куда-то несли морковку. На полу сидел мальчик в штанах на лямках примерно моего возраста и катал машинку.

– Привет! А я не знал, что здесь есть дети, – сказал я ему.

Мальчика звали Костик, мы с ним подружились и стали играть в тихие детские игры с солдатиками, плюшевыми зверями, египетскими финтифлюшками. Я уговаривал его пойти погулять во дворе, так как одного меня не отпускали. Я гулял либо с мамой, либо с папой. А мне так хотелось погулять как настоящие дети! Но Костик говорил, что ему нельзя во двор, потому что случится налет, и вообще там – фашисты.

– Какие фашисты, Костик? Они были давно, – говорил я, не зная, когда они были, но точно не сейчас.

– Все равно нельзя туда ходить, потому что мама расстроится, – упорствовал Костик.

– Какая мама? Это же старая бабушка Александра Ефремовна.

– Нет, она молодая, это мама моя.

Я не настаивал. Я понял, что у Костика какие-то свои отношения со временем и от него веяло прохладой. Меня это не расстраивало, мне нравилась прохлада. С Костиком было интересно. А потом он подарил мне маленький жестяной синий троллейбус с припаянными рожками и двумя фарами из олова, которые были покрашены серебрянкой. Он мне очень понравился, и я принес его домой.

– Откуда у тебя эта игрушка? – спросила мама.

– Мне Костик подарил, – честно признался я.

– Какой такой Костик?

– Мальчик, который живет у Александры Ефремовны.

Мама, будучи уверенной в том, что я зачем-то эту игрушку стащил, повела меня разбираться. Соседка выслушала маму и меня и сказала: «Если Костик так решил, пусть Серёжа играет». После этого Костик больше не появлялся. Комната была открыта, но его там не было. Я понял, что призрачные дети недовольны своим обнародованием.

8. СИРЕНЕВОЕ СЧАСТЬЕ

Я заметно грустил, потеряв такого хорошего друга, и мама чаще брала меня с собой по известным торговым маршрутам. Я в общем-то не был против, потому что интуитивно улавливал царящую там какую-то особую магию пространства. Мама любила примерять вещи и красоваться, а прелесть ребенка с аутизмом в том, что он не может потеряться. Если придумать ему подходящее дело, он погрузится в него.

Мама нашла два варианта. Если в магазине был галантерейный отдел, то ребенка можно было занять пуговицами. Они завораживали меня категориальным единством в сочетании с огромным разнообразием форм, расцветок. Я мог часами рассматривать и трогать кругляшки, разложенные на планшетах, сравнивать нюансы. Они дарили мне абсолютный созерцательный восторг, стали визуальным наркотиком, который меня на себя замыкал.

Если это был просто магазин одежды, то мама могла подвести меня к манекену и сказать: «Серёжа, посмотри какая тетя, поиграй с ней». Я брал ее за руку и стоял. Играя так, я понял, что пластмассовые тети никуда не идут, а это значит, что я от них не отстаю. Они не кричат, не оборачивают на меня гневное лицо, не смотрят на меня с раздражением, они стоят и улыбаются. Каждую из них можно держать за руку и воображать, будто она – мама. Иметь рядом неускользающую маму оказалось ошеломительным открытием, которое я в скором времени подтвердил опытным путем.

Однажды в универмаге «Пассаж» я увидел шикарную пластмассовую тетю. Она была одета в фиолетовое пальто, вокруг шеи повязан легкий шарфик лимонного цвета, на ногах обуты шоколадно-коричневые замшевые туфельки с золотыми пряжками. Она показалась мне совершенно сказочной! Я подошел, залез на подиум и взял ее за руку.

– Что ты делаешь, мальчик? – спросила возникшая откуда-то продавщица.

– Я играю в маму, – заплетающимся языком ответил я.

Все постепенно стало расплываться и меркнуть передо мной, я медленно погружался в огромное фиолетовое облако счастья, которое полностью заволокло мой мозг. Я утонул в этом сиреневом море экстаза, покоя и статичной радости.

Когда мама накупила вещей и нашла меня, оказалось, что мои руки невозможно разжать. Мои маленькие цепкие пальцы намертво впились в пальцы пластмассовой женщины, а на лице расцвела и застыла улыбка.

– Серёжа, прекрати играть! Хватит! Отпусти тетю! – кричала мама, но я ее не слышал. Я погрузился в кататонию, оцепенелый восторг. Прибежали продавщицы, поняли, что надо что-то делать. Приехала скорая, мне поставили укол.

Проснулся я уже дома на диване на руках у мамы. На руках. У мамы. Наверное, впервые в жизни я осознал себя не отдельным существом, а ее – самой прекрасной и недостижимой женщины в моей Вселенной – сыном. Я смотрел на ее искривленное испугом заплаканное лицо сквозь ресницы и боялся пошевелиться. Я улавливал тонкий запах спелой сладкой груши от ее шеи. Щекой я чувствовал мягкую шерсть ее кофты, и мне хотелось зарыться в нее всем лицом, всем собой, как в большую теплую – такую мамовую! – кошку. Она прижала меня к себе и гладила по спине. С ее подбородка соскользнула капелька и упала мне на лоб. И не было на свете такого океана, на который я бы ее обменял.

9. ПРО ЛЮБОВЬ

Папа был любвеобилен настолько, что подруга мама заводила только страшненьких, но его это не останавливало. Он находил, что это даже пикантно. Постепенно подруги свелись к самым безопасным. Мир Барби рушился. Мама жестоко над ними шутила, могла высмеять одежду или прическу, намеренно делала больно. Я жалел этих милых женщин, которые тянулись к ее сияющей, но холодной красоте. Они – интересные, живые – понимали ужас моей ситуации и пытались как-то меня обогреть.

Папа исчезал, как мираж, фантом, как Гундис Рукитис, из рук избалованной и не готовой отказаться от своей самой лучшей игрушки девчонки. Ее наряды становились все дороже, прически экстравагантнее, мама шагала на высоких платформах по лезвию моды. Она с маниакальным упорством пыталась исправить свои недостатки, главным образом – меня.

Помимо ЛФК, микротоков и бассейна, мама три раза в неделю водила меня к детскому психоневрологу Юре. Он был большой, добрый, теплый – паповый! Он как-то сумел меня растопить, и мой аутизм начал конвертироваться в творческие таланты. Постепенно я научился общаться с людьми.

– Нина, бросай ты своего, выходи за меня. Я усыновлю Серёгу, мы распишемся, ты останешься в Ленинграде, – выпалил он однажды.

Я заметил, что мама начала подтаивать в эту сторону. В моем мире забрезжила робкая заря надежды. Но тут вмешалась бабка: «Нина! Да ты что творишь! Ты выйдешь замуж за мужика, который лечит твоего дефективного ребенка? А что люди скажут, ты подумала? Это же блядство!»

Мама была послушной дочерью и выпустила шанс пожить нормальной человеческой жизнью с мужчиной, который прощал ее кукольность, инфантильность. Он готов был полюбить и меня таким, какой я есть. Он знал что-то такое, чем мог бы вылечить и ее. Так настоящий скрипучий трамвай жизни стремительно пролетел мимо моей мамы, пока она неслась по кругу на карусели своих иллюзий.

10. САМЫЙ СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

Папа уверенно осваивал ступень за ступенью карьерные высоты. Следующая оказалась в Новосибирске, куда его распределили нести дальнейшую службу. Меня отдали бабке, чтобы я не мешал родителям начинать новую жизнь на новом месте. Но когда папе замаячило улучшение жилплощади, у начальника возник резонный вопрос: «Как мы будем давать тебе большую квартиру в центре? Предъяви живого ребенка!».

Летом меня забрали из Уфы в Новосибирск, записали в школу № 42 и показали папиному командиру. Мы въехали в огромную двухкомнатную квартиру на улице Ядринцевской в красивом сталинском доме. Гуляя в Центральном парке, я воображал, как пойду в школу, найду там друзей, перестану быть Серёгой-роботом. Но в августе приехал дед: «Ничё, ничё, внучок, в Уфе тоже школа есть, одолеем!».

– Как же так? – вопил я и выбрасывал вещи из чемодана. – Я остаюсь с вами, я буду ходить тут в школу, у меня будут тут друзья.

– Нет, нет, Серёжа, ты вернешься к бабушке и дедушке, нам с папой надо много работать, нам некогда будет делать с тобой уроки, – тихо приговаривала мама и укладывала яркие квадраты импортных тряпок в мой чемодан.

Когда меня вели на вокзал, я визжал так, что люди высовывались из окон, думая, будто трамвай задавил кошку. Я цеплялся за кусты, за столбы, за тротуар, за асфальт с такой силой, что сорвал себе ногти. Это был самый страшный день в моей жизни.

Вернувшись в Уфу, я окончательно понял, что с моими родителями что-то не так, что я возлагаю на них слишком много надежд. И решил, что надо выгребать как-то самому.

11. СМ

Записывая меня в школу, дед проявил невероятное благоразумие и милосердие и избавил меня от уродской фамилии, от которой я вздрагивал.

– Давайте, пока Серёжа ходит в школу, он будет Смоляков. Ни один нормальный ребенок не произнесет фамилию Щекочихин, зачем же нашему дополнительным логопедическим мучениям?

В Уфе я попал в самую обычную школу. Директор, бывший офицер, был сталинского заката, ходил в хромовых сапогах и соблюдал армейскую дисциплину. Школа была с математи-

ческим уклоном, и меня – за хорошие отношения с цифрами и не без бабкиных трудов – туда взяли.

Но в первом же классе выяснилось, что педагогические доктрины для меня – сущее прокрустово ложе. Я никак не укладывался в них. Меня нельзя было вовлечь в коллективный детский досуг, грубо говоря, не поставить в хоровод. Я не мог понять, почему должен читать: «Шу-ра, ша-ры! У Ма-ры ша-ро-ва-ры». Я не мог делить слова на слоги, не находя аргументов, объясняющих, зачем это нужно. Учительница Клавдия Исааковна бешено психовала, называла меня тупым дебилом, в общем, демонстрировала крайнее недовольство тем, что ей дали такого ребенка.

В городе Ленинграде прекрасно разбирались с аутизмом. Институт мозга имени Бехтеревой, где работал Юра, отлично со мной наладил отношения и сильно меня прокачал. А в городе Уфе считали, что аутизм – это вариант умственной отсталости, и поэтому я там был очень нелюбим некоторыми учителями.

Но постепенно вслед за директором старой закваски ушли и учителя. Пришла молодая директор Светлана Геннадьевна, а страшная Клавдия Исааковна распалась на учителей-предметников. Добро победило зло.

Светочка сказала: «Ребенок специфичен. У него есть минусы и плюсы. Наша с вами педагогическая задача – превратить минусы в плюсы, а плюсы развивать». Так я почувствовал себя под ее защитой.

По счастью, Светочка, так я теперь ее про себя называл, стала вести в моем классе русский язык. На одном из первых уроков было дано задание написать сочинение на тему «Моя семья». Будучи ответственным ребенком, я взял чернильную ручку и без единой кляксы написал: «У меня есть мама и папа. Мои папа и мама красивые». Потом я решил, что надо тему как-то развивать, но понял, что не помню, как они выглядят. Я огорчился, что стою на пути к двойке. Из меня начало капать прямо на лист. Так я и сдал сочинение из одной строчки. Вместо двойки я получил «См», чему очень обрадовался. Светочка написала мою фамилию – Смоляков! А после четвертого урока она привела меня к себе домой. Мы сели за стол и ели вместе с ней и ее сыном Алёшей шоколадный торт с цветочками, а потом играли в железную дорогу. А я мечтал о том, чтобы однажды прилетели марсиане и забрали Алёшу с собой. В этом не было ничего личного, я мечтал о самых добрых марсианах для него, просто мне позарез хотелось, чтобы место сына Светочки было никем не занято, даже таким хорошим мальчиком, как он.

Когда я окончил школу, бабка была резко против моего отъезда куда-либо.

– Ну куда тебя такого возьмут? А здесь пойдешь к тете Вале на почту работать.

Я же отчетливо понимал, почему ей хотелось, чтобы рядом с ней оставался ребенок-инвалид, хотя инвалидность с меня сняли в 14 лет. Это же выглядело так благородно – бабушка-мученица тянет внука! Но я твердо решил, что уеду, потому что этот город я воспринимал как личный концлагерь и совершенно не мог в нем оставаться.

12. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Спустя десять лет я вернулся к маме. Она давно жила одна. Оставшись друг с другом в новом городе, чтобы строить новую жизнь, родители разошлись в год моего отъезда с дедом в Уфу. Едва на моих пальцах отросли новые ногти, как папа загулял с девушкой, которая была столь же красива, как мама, но моложе. А потом еще с одной и еще, и еще. Все его женщины были умны, обаятельны, со многими из них он знакомил меня, когда я приезжал в Новосибирск на каникулы. Глядя на его очередную спутницу, я думал: «Чем же, кроме красоты, он мог тебя завоевать?». Был в нем все-таки какой-то гофмановский морок.

В один летний денек, прогуливаясь в районе ЦУМа, я решил прокатиться и сел в автобус № 8, первый подошедший. «Вот и отлично, – подумал я, – посмотрю легендарный Академгородок». Оказалось, что там находится НГУ, где экзамены принимают раньше, чем

в других вузах. Я решительно направился в приемную комиссию поступать на истфак. Но удивительным образом оказался на филологии, хотя никогда не был влюблен в слова и не ощущал себя лингвистом. Мне нравилась история, нарратив, я мыслил себя археологом. Но когда шел по длинному коридору, то увидел двух совершенно мифических существ: шагали и разговаривали друг с другом дедушка с седым начесом и дяденька, похожий на веселого манула.

– Кто это? – зачарованно спросил я мимо проходящую девушку.

– Это Кирилл Алексеевич Тимофеев и Лёничка Панин.

– Какое оно волшебное! Дедовое и паповое! Я хочу у них учиться, – безапелляционно заявил мой детский инстинкт.

С влюбленностью у меня было все очень причудливо, само понятие «семья» пугало. Я отчетливо помнил, как бабка, отлупцевав меня страшным боем, говорила: «Серёжа, перестань плакать, перестань обижаться. Все заживет. Ты только никому не говори. Да, я психанула, но я же бабушка твоя, я люблю тебя, мы же семья». Так фраза «Мы же семья» превратилась для меня в венец кошмара. Я боялся женщин, они стали источником агрессии и опасности, а мужчины с детства прочно ассоциировались с квестом «Найди папу». Я – асексуальная противоположность своего папы, но меня это не огорчает. Я чувствую свободу от необходимости продолжения рода, ведь он нарожал целый детдом!

После окончания универа я пошел работать ассистентом кафедры, вел семинары по старославянскому и культуре речи. Но денег было катастрофически мало. Однокурсник предложил перебраться в Москву, где нужны были грамотные журналисты, вот я и рискнул. Газеты открывались и закрывались, я не успевал за страной, размашисто шагающей в пропасть грядущей перестройки. А тут знакомый предложил пойти к Арсену: и работа непыльная, и деньги продержаться на плаву хватит. Подальше от родни.

13. ПОСТСКРИПТУМ

Виталий Щекочихин был официально женат 9 раз, но так как время от времени он терял паспорта, то достоверно это неизвестно, как и количество рожденных от него детей. Со служебных высот он слетел, спалившись на нежной дружбе с командиром. Тогда за это полагалась статья. Но Родина-мать сжалилась и выписала ему свой бетонный поджопник, направив на лечение на улицу Владимирскую, а могла бы и мечом. После выписки он ушел в инженерный сервис.

Путем различных махинаций, которые открылись с кормы «Титаника»- СССР, он стал весьма состоятельным человеком. И уже совсем ни в чем себе не отказывал. Его последней жене было 19 лет, как и первой, когда они только поженились, и она была похожа на итальянскую киноактрису.

Оттого что ему стало нечего больше хотеть, он почувствовал свою жизнь исчерпанной. Желаемого добился, а на новые горизонты не хватало фантазии. При всей своей креативности он был весьма приземленный мужчина, в его доме стояла только одна книга – «Породы собак». От обильной сексуальной практики начал изменять организм, и Виталий Щекочихин снова обратился к поиску альтернативных ощущений. Так у него случился роман с водителем. Новый партнер, вопреки стереотипам о томных юношах, оказался суровым мужиком в пышных усах, валенках с отворотами и заскорузлыми пальцами. Это продолжалось довольно долго, пока однажды водитель не купил паленой водки у таксиста. После возлияний в гараже его могучая физиология пришла в летальную негодность. Виталий отреагировал на эту потерю мгновенно и трагически: накопил разного спиртного и стал заказывать по объявлениям в журнале «Флирт» услуги девушек с низкой социальной ответственностью. Одновременное употребление крепкого алкоголя и виагры неминуемо приводит к системному сбою. С ним случился глубочайший инсульт, который ознаменовался полным распадом, и Виталию Щекочихину пришлось умереть.

Нина восприняла эту весть с печальным недоумением. «Жил грешно и умер смешно. Жаль», – пожалала она плечами.

Спустя несколько лет она будет смотреть «Фэшн ТВ» и совершит попытку суицида – полоснет по рукам кухонным ножом. Когда ее откачают, Нина еще долго будет твердить: «Не хочу быть старухой! Я – красивая девочка, которая рождена для счастья, для кино!».

Сергей снова вернется в Новосибирск, он будет всегда отвечать на ее телефонные звонки, часто навещать в специальном учреждении с обеспеченным надлежащим уходом и привозить вкусное.

Однажды сиделка скажет:

– Сергей Витальевич, вы прекрасный сын, вы так любите и заботитесь о своей маме!

А он ответит:

– Мама у меня, как Родина, одна. И сколько бы ни было вокруг фантастически прекрасных женщин в сиреновом пальто или толстых уютных тетей, мама такая, какая есть. Маму нечем заменить. И если я откажусь от своей мамы, то мой мир станет совсем пуст.

***

Но этому еще только предстояло сбыться. А прямо сейчас Сергей Витальевич Смоляков, мерчендайзер московского бутика, с силой толкнул металлическую дверь районного отдела милиции и вышел на улицу. Там его ждал, широко распахнув дверь черного «Гелендвагена» и дружеские объятия, Арсен.

– Ну что, герой, поехали Серёгу чинить. Он хоть и из пластмассы, а все-таки человек!

– Из фибerglassа! – подняв указательный палец вверх, заметил Сергей, и они громко рассмеялись.

